

Марина
СЕРОВА

*Месть в смирительной
рубашке*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Месть в смирительной рубашке
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69971320

Месть в смирительной рубашке:

ISBN 978-5-04-195603-5

Аннотация

Телохранитель Евгения Охотникова оказалась перед тяжелым выбором – спасти любимую тетю Милу, похищенную злоумышленниками, или девушку Марию, которая звонила ночью и просила о помощи. Девушка уверяла, что ее преследуют и она в опасности. Однако реальность оказалась сложнее, и Охотникова намерена выяснить всю правду.

Марина Серова – феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. Участвовала в боевых операциях и оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Марина Сергеевна Серова

Месть в смирительной рубашке

© Серова М.С., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Эта осень для меня, телохранителя Евгении Охотниковой, выдалась настолько скучной и тоскливой, что я, грешным делом, решила: преступность в Тарасове искоренена полностью. Летом я вкалывала как проклятая – едва завершала дело одного клиента, как буквально в тот же день поступал звонок от другого человека, желавшего нанять телохранителя. Времени ни на что не хватало, я чувствовала себя машиной, которая работает бесперебойно, и отчаянно нуждалась в передышке.

Увы, возможности человеческого организма не безграничны, и это высказывание справедливо даже для меня. Но наплыв клиентов не спадал, и пришлось включить «второе дыхание».

Июнь, июль и август я практически не спала – на задании я обязана находиться при своем подопечном денно и нощно, оберегая его или ее жизнь.

Жила я на безумном количестве кофе, не гнушалась даже энергетиками – не считаю правильным травить себя химией в бутылках, но, на худой конец, приходится прибегать к крайним мерам.

К слову сказать, все задания я выполнила блестяще – клиенты были спасены от гибели, преступники понесли заслуженное наказание, и в целом я осталась довольна своей рабо-

той. Недостаток отдыха был лишь каплей дегтя в бочке меда, однако к началу сентября я поняла, что, если не потрачу хотя бы день на то, чтобы выспаться, моя эффективность спадет до нуля.

Мои просьбы были услышаны где-то там наверху, и с третьего сентября наплыв страждущих сошел на нет. Мой телефон внезапно замолк – звонков с неизвестных номеров не поступало, я вздохнула с облегчением.

Первую неделю отдыха я не выходила из дома – спала до половины седьмого утра (притом, что я всегда просыпаюсь ровно в шесть, ни минутой позже), ела вкусную еду, приготовленную моей тетей Милой, смотрела по своему ноутбуку новинки кино, вышедшие в прокат. Словом, наслаждалась по полной – занималась любимым увлечением (просмотр фильмов является моим хобби всю мою сознательную жизнь), устраивала праздники желудка и радовалась заслуженному отдыху.

Меня хватило на полторы недели. По истечении этого времени я обнаружила, что уже с надеждой смотрю на свой смартфон – не потребуются ли кому-нибудь моя помощь? К тому же тетя Мила, до которой дошло, что я не собираюсь в ближайшее время отправляться на боевое задание, развернула бурную деятельность по устройству моей личной жизни.

Свою родственницу я очень люблю, список тетушкиных достоинств можно продолжать до бесконечности, однако су-

существует один-единственный недостаток, отравляющий наше с ней совместное проживание. Тетя Мила по неведомой мне причине мечтает выдать свою единственную племянницу замуж.

Это маниакальное стремление здорово омрачает мое существование. Я не горю желанием заводить семью, нянчиться с детьми да стирать грязные носки горячо обожаемого супруга, с моей-то работой это просто невозможно. Но тетюшка совсем другого мнения. Она убеждена, что мне следует уже подыскать себе подходящего мужа и остепениться, посвятив свою жизнь созданию новой ячейки общества. Я же не собираюсь бросать работу телохранителя, и по этой причине у нас с тетей Милой порой возникают конфликты.

Меньше всего я хочу ее обидеть, но иногда и моего терпения не хватает, ведь тетюшка постоянно пытается познакомить меня с тем или иным кавалером, один другого хуже. В ход идут все неженатые родственники тетиных подруг и знакомых, коих у нее бесчисленное множество. К счастью, во время работы тетя меня не трогает, это все равно бесполезно. А вот если мой отдых затягивается, как сейчас, то все, пиши пропало. Тетюшка начнет таскать меня по выставкам, куда ловко пригласит очередного кандидата в мои мужья, по гостям, на концерты... Отпираться бесполезно – моя родственница все равно добьется своего, и тут не поможет ни владение единоборствами, ни навыки стрельбы, ни умение обращаться с любым холодным оружием.

Поэтому в начале октября я изнемогала от затянувшегося отдыха. Просмотр фильмов уже не занимал столько времени, как раньше, – утром я выходила на пробежку и посещала зал, оттачивая боевые навыки. Тетушкины пирожки давали о себе знать – штаны уже застегивались с трудом, да и двигалась я не так быстро, как раньше. Я ужаснулась таким последствиям – как телохранитель я обязана всегда быть на высоте, поэтому принялась рьяно приводить себя в форму.

На сегодняшний день у меня, помимо пробежки и зала, было запланировано посещение стрелкового тира. Каждый день я увеличивала физическую нагрузку, к тому же это давало мне возможность побольше времени находиться вне дома, а значит, не приходилось отбиваться от бесконечных тетиных попыток устроить мою личную жизнь.

В девять часов утра я завтракала вместе с тетей Милой – просыпаюсь я рано, но обычно ограничиваюсь парой чашек крепкого кофе, голод приходит через несколько часов после пробуждения.

Тетя Мила интересовалась, какие у меня планы на сегодня, и я честно ей ответила, что намерена большую часть дня посвятить тренировке.

– Вот и замечательно, – улыбнулась тетушка. – Кстати, завтра в шесть часов вечера мы с тобой пойдем в консерваторию на органный концерт, ты не против? С трудом удалось достать билеты на выступление, я думаю, тебе очень понравится!

– А, вот как... – безо всякого энтузиазма протянула я. – Ну да, консерватория – это здорово...

– Вот и я о том говорю! – воскликнула тетя Мила, не заметив моего понурого тона. – Приезжает Хироко Иноуэ, на ее концерты невозможно купить билеты, все разбирают за месяц! Но моя давняя знакомая Елена Федоровна помогла мне достать два билета!

– Чудесно, – буркнула я. – Как я понимаю, туда пойдет и эта Елена Федоровна? У нее сын неженатый или племянник?

– А как ты догадалась? – искренне изумилась тетя Мила. – Да, Леночка вместе с Андрюшей тоже пойдут, само собой! Я тебя как раз собиралась познакомить с Андреем, он очень хороший молодой человек, занимает руководящий пост в фирме, галантный, обходительный и вообще красавец! У тебя, надеюсь, есть вечернее платье?

– Надо посмотреть в шкафу, – хмыкнула я. – У меня еще и парики есть – для маскировки. Костюм соблазнительницы тоже найдется, где-то ведь был...

– Женя, ну опять ты со своим скептическим настроем! – воскликнула тетушка. – Умоляю тебя, давай без твоих выходов! Где ты еще такого замечательного... гм... кавалера найдешь?

– Да, я поняла, что этот Андрюша – сокровище, – заметила я. – Вот только что в нем не так? Почему он не женат-то? Со всеми его достоинствами и регалиями? Судя по твоим описаниям, такого мужика с руками и ногами оторвать долж-

ны...

– Ой, да не везет ему в личной жизни, – вздохнула тетя Мила. – Леночка рассказывала, что ему какие-то дурные бабы попадаются – беспутные и алчные. Ни одной нормальной не было, как приведет в дом очередную свою девушку, так Лене плохо с сердцем становится...

– Понятно, – кивнула я. – То есть избранницы Андрея не подходят его маме. Не уверена, что знакомить меня с ним – хорошая идея. Я эту Елену в глаза не видела и не считаю, что ей понравится род моей деятельности.

– Ну, ты и не говори, что ты телохранитель! – воскликнула тетушка. – Я рассказывала о тебе Лене и сказала, что ты переводчица. Ты ведь превосходно знаешь иностранные языки, верно? Конечно, телохранитель – весьма специфическая профессия, не всем это покажется... гм... нормальным.

– Все-таки я не слишком хочу знакомиться с этим Андреем и его мамашей, – заявила я. – Если мужик до сих пор не смог настоять на своем, зачем мне такой тюфяк? Ты лучше скажи, какие у тебя планы на сегодня. Ты дома будешь или куда-то пойдешь?

Я ловко перевела тему – прекрасно знаю тетю Милу, она не успокоится, пока не докажет мне, что я не права. Поэтому я задала первый вопрос, пришедший мне на ум, чтобы отвлечь тетушку от обсуждения моего очередного потенциального жениха.

– Сегодня я собиралась приготовить торт по новому ре-

цепту, – заявила тетушка. – Прочитала в интернете, возни с ним много, но получится довольно оригинальное блюдо. Часов в десять схожу в магазин, а потом займусь готовкой.

– Ну а я тогда выйду вместе с тобой, – заявила я. – Пойду в зал, а потом в тир.

Однако моим планам не суждено было сбыться. Я не успела доесть свой омлет, когда внезапно раздалась трель моего мобильного телефона. Со смартфоном я не расставалась – он лежал на столе, я тут же схватила его и посмотрела на дисплей.

Номер был незнакомый, а это значило, что кто-то либо позвонил мне по ошибке, либо это был звонок от потенциального клиента. Я надеялась, что второе предположение окажется верным – безделье мне порядком надоело, к тому же у меня не было ни малейшего желания идти завтра на концерт и знакомиться с каким-то Андреем и его сумасшедшей мамашей. А вот тетя, наоборот, выглядела расстроенной – если мне звонят по поводу работы, ее очередной грандиозный план по поводу моего замужества необратимо катится в тартарары.

– Слушаю, – я взяла трубку и поднесла ее к уху.

– Пожалуйста, помогите мне! – Вместо приветствий незнакомка (а звонила женщина) разразилась истеричными воплями. – Меня хотят убить, мне нужен телохранитель, пожалуйста!..

Я услышала рыдания. Стремясь взять ситуацию под кон-

троль, я проговорила как можно спокойнее:

– Как вас зовут и где вы находитесь? В настоящее время вам угрожают?

– Нет, я в Елшанском районе Тарасова, – затараторила моя собеседница. – Но меня в любой момент могут убить, я боюсь оставаться одна... если она уйдет, мне конец, пожалуйста...

Внезапно связь оборвалась – я услышала сперва какие-то помехи, потом – долгие гудки.

Я перезвонила по номеру неизвестной.

Спустя несколько секунд трубку взяли – голос женщины звучал тихо, рыданий я уже не слышала.

– Вы – Евгения Охотникова? – запоздало поинтересовалась она.

– Да, вы не ошиблись, – подтвердила я. – Назовите точный адрес – мне надо знать, где вы находитесь. До моего приезда никуда не уходите!

Я поняла, что женщине, по всей видимости, действительно угрожает опасность. Такой испуг сложно сыграть – при условии, конечно, что моя собеседница не является гениальной киноактрисой. В любом случае, если кто-то пытается так глупо пошутить, с рук это ей не сойдет, но разыгрывать меня пока никому и в голову не приходило. Да и по голосу женщина была совсем не подростком – лет ей, наверно, около тридцати, а в таком возрасте заниматься телефонным баловством уже не солидно.

– Елшанский проезд, тут гаражи – я нахожусь возле сто
второго гаража, но вроде они заброшены...

– Оставайтесь на месте, – велела я. – Сейчас приеду. Те-
лефон не выключайте!

– Он скоро разрядится... – пробормотала женщина.

– Кто находится рядом с вами? – спросила я, на ходу на-
девая ветровку и влезая в кроссовки.

– Никого нет...

– Вы только что сказали, что, если она уйдет, вам конец, –
напомнила я. – О ком вы говорили? Как вас зовут?

– Мария... Мария Лисихина... – произнесла моя собесед-
ница. – Я просто боюсь, она – это собака... Дворняга, похо-
же, но с ней мне спокойнее...

«Бред какой-то, – подумала я про себя. – Или женщина
настолько сильно испугана, что несет всякую околесицу? Хо-
тя присутствие собаки, возможно, ее успокоило...»

– Поблизости есть люди? – продолжала расспрашивать я
по пути к своей машине.

– Нет, тут никого нет...

– Как вы сюда попали?

– Я... я пришла сюда... – Мария вдруг замолчала, потом
снова принялась причитать: – Пожалуйста, приезжайте по-
скорее, мне страшно...

Я не успела ответить – снова начались помехи, сменивши-
еся короткими гудками. Я набрала номер Лисихиной, одна-
ко она, похоже, тоже пыталась до меня дозвониться. Делать

нечего – я положила смартфон на пассажирское сиденье рядом со своим и завела машину. Если Лисихина мне перезвонит, я обязательно услышу.

Но звонка от Марии не поступало. Я забила в навигатор адрес нужного места, прикинула, сколько времени добираться до Елшанского района. Даже если мне повезет и не будет пробок, на окраину Тарасова я смогу попасть лишь через сорок минут. Надеюсь, что за это время с женщиной ничего не случится...

Я гнала с максимально возможной скоростью, игнорируя все ограничители и притормаживая лишь на светофорах. К счастью, работники дорожной инспекции мне по пути не попались, иначе пришлось бы тратить время на разбирательства моих нарушений правил дорожного движения.

До Марии я не смогла дозвониться – несколько раз я набирала ее номер, но трубку никто не брал. В последний раз, когда я ей позвонила, механический голос автоответчика сообщил, что абонент находится вне зоны действия Сети. Видимо, телефон Лисихиной все-таки разрядился.

Елшанский проезд находился практически на самом выезде из города. Жилых домов поблизости не было, только заброшенные гаражи, как и говорила Мария. Согласно данным моего навигатора, если двигаться дальше по проезду, можно проехать к действующему кладбищу, за которым уже будет выезд из Тарасова.

Я свернула в гаражи, посмотрела нумерацию. Сейчас я

остановилась у гаража номер пять, значит, нужный мне сто второй находится гораздо дальше...

Я относительно быстро нашла искомый гараж, однако поблизости никого не увидела.

Я вышла из машины и осмотрелась. Некоторые гаражи оказались даже без дверных замков – ими никто не пользовался. Удивительно, что власти города не снесли заброшенные постройки.

Я набрала номер Лисихиной снова, но ничего не изменилось – только голос автоответчика угрюмо бубнил, что абонент находится вне зоны действия Сети.

Я позвала Марию по имени, но ответом мне послужила тишина. Даже собак поблизости не было – не знаю, что за дворняга находилась рядом с женщиной во время нашего телефонного разговора, то ли она убежала куда-то, то ли... То ли собаки вообще не существовало.

Я вспомнила детали нашего разговора. Клиентка была напугана, это однозначно. На шутку все это не было похоже, значит, Мария где-то здесь. Но как она добралась до гаражей? И откуда она шла? В округе нет ни жилых домов, ни учреждений, ничего – кроме кладбища. И то погост располагался километрах в пяти от гаражей, если не больше.

Может, Лисихину похитили, привезли на кладбище, но она сбежала? Или ее довели до гаражей, собирались убить, но женщина каким-то образом смогла мне позвонить? Но откуда она знает мой номер? И потом, Лисихина ведь гово-

рила, что в данный момент ей никто не угрожает, значит, в Елшанский проезд она пришла сама. Но почему именно сюда? И где она находилась до этого?

Я решила осмотреть окрестности в надежде найти хоть какое-то подтверждение тому, что тридцать пять минут назад здесь находилась моя собеседница. Может, она что-то уронила, или, если Мария курит, я смогу найти свежий окурочок от сигареты...

Однако возле сто второго гаража ничего интересного я не нашла. Внимательно оглядела землю в поисках следов. К счастью, возле гаражей асфальта не было, только песчаная насыпь, и я смогла рассмотреть нечеткие следы. Я сфотографировала их на смартфон, прикинула, какой размер обуви был у человека, оставившего эти следы. Увы, местами возле гаражей росли сорняки, они были примяты, но это доказывало лишь то, что человек действительно некоторое время назад здесь находился. Более-менее неплохо сохранилось лишь два следа – по ним я определила, что на ногах женщины была обувь с ребристой подошвой. Может, кроссовки, может, ботинки – определить точно было невозможно. Следов от собачьих лап я не обнаружила.

Помимо отпечатков обуви на земле я не смогла ничего найти. Мария не курила – по крайней мере, окурочков она не выбрасывала, а пепел в условиях ветреной погоды не сохранился.

Небо было хмурым, с минуты на минуту мог пойти дождь,

поэтому я торопилась завершить осмотр до того, как все сойдет осенним ливнем. Я обошла все окрестные гаражи, даже зашла в те, что оказались не заперты, однако ничего способного мне помочь в поисках Марии не оказалось.

Я остановилась и задумалась. Куда могла подеваться Лисихина? Либо она по какой-то причине не дождалась меня и ушла, либо ее кто-то куда-то утащил. Или увез – не знаю. Если на песке и были следы от машины, то я их не видела. К тому же я припарковала свой автомобиль рядом с гаражом, и отпечатки шин другой машины, если они имелись, я сама же и стерла. Надо было оставить свой автомобиль подальше от сто второго гаража, жаль, что я раньше об этом не подумала... Но поздно сейчас переживать о том, что уже сделано.

Сожалела я и о том, что не успела расспросить женщину, что с ней произошло и кого она так боится. Конечно, свою роль сыграли неполадки со связью, да и Мария была не в том состоянии, чтобы внятно изложить суть своей проблемы. Одно радовало – труп Лисихиной я хотя бы не обнаружила, а это значит, есть вероятность, что женщина жива. Только вот куда она делась? Если бы ее уволокли силой, то я наверняка бы обнаружила следы борьбы – капли крови, оторванные пуговицы, сильно примятую траву. Ничего этого не было. Значит, Лисихина либо не дождалась меня и ушла сама, либо пошла с кем-то, кого знает. Но с кем? Кого она могла найти тут, на пустыре? Или Мария изначально пришла не одна? Но почему она тогда находилась в таком паническом

состоянии? Неужели она не могла дать трубку своему спутнику или спутнице? Нет, Лисихина позвонила мне и стала истерично умолять, чтобы я ей помогла. Почему второй человек не вмешался, не взял трубку и не объяснил все по-человечески?

Начался противный осенний дождь. Я села в машину, чтоб не мокнуть – все равно я сделала все, что могла.

Итак, если остановиться на теории, что Марию Лисихину увел какой-то знакомый, нужно вычислить, что это за человек, и расспросить его или ее.

О самой Лисихиной я не знала ровным счетом ничего – даже как она выглядит, понятия не имела. Возраст – вроде по голосу лет тридцать, но я могла и ошибаться. Женщине могло быть и двадцать, и сорок. На пятидесятилетнюю она не тянет, попробую остановиться на возрастном диапазоне от двадцати до сорока пяти.

Задача не из легких, имя Мария совсем не редкое, да и фамилия, в принципе, тоже. Я решила поискать информацию о женщине в базе данных, установленной как на моем телефоне, так и на ноутбуке. Благодаря системе я могла быстро узнать сведения биографического характера о любом жителе города и области.

В базе данных имелась лишь задокументированная информация о людях – дата рождения, адрес прописки, семейное положение, официальное место работы, учебы, наличие детей. Если интересующий меня человек проживает с кем-

то в гражданском браке, об этом в базе данных указано не будет. Но и общая информация о Лисихиной мне сейчас не помешает.

Я открыла базу данных, в поисковой строке ввела имя и фамилию своей клиентки.

В Тарасове проживало шесть Марий Лисихиных, но по возрасту подходили только две женщины. Первой Марии Лисихиной было двадцать лет, она училась в Тарасовском государственном университете на биологическом факультете, проживала с родителями – Лисихиным Павлом Анатольевичем и Лисихиной Викторией Сергеевной. У Марии была младшая сестра Оксана, которая сейчас училась в одиннадцатом классе школы номер пятьдесят. Павел Лисихин работал в строительной фирме, Виктория Лисихина была швеей в ателье, но год назад уволилась и в настоящее время официально нигде не работала. Проживали Лисихины в Загорском районе города Тарасова по адресу: улица Новоузенская, дом сорок пять, квартира семнадцать.

Я переписала на бумажку адрес первой Марии Лисихиной, потом открыла информацию о второй Марии Лисихиной. Ей было тридцать два года, проживала Мария вместе с матерью Ольгой Николаевной Лисихиной. С отцом Марии, Сергеем Владимировичем Лисихиным, Ольга Николаевна развелась, когда дочери было два года. С тех пор женщина воспитывала Марию одна.

Мария окончила педагогический институт, получила спе-

циальность учителя начальных классов. По специальности Мария работала семь лет, потом по неизвестной причине уволилась из школы, целый год сидела без работы (по крайней мере, официальной). В тридцать лет она устроилась на должность продавца-оформителя в магазин детских товаров, судя по всему, там она и работает в настоящее время.

Почему Мария кардинально сменила сферу деятельности – неизвестно, но уволилась из школы по собственному желанию. Замужем Мария никогда не была, детей у нее не имелось. Из родственников – только мать, Сергей Владимирович трагически погиб десять лет назад в автомобильной катастрофе. Братьев и сестер у Марии не было, мать работала врачом «Скорой помощи». Проживали Лисихины по адресу: улица Барнаулова, дом шестьдесят пять, квартира десять.

Итак, к какой из Лисихиных ехать в первую очередь? Студентка Мария, судя по всему, сейчас должна находиться в университете на занятиях – если, конечно, это не она мне звонила. Отсутствие девушки дома никого не удивит – на дворе осень, студенты учатся. В то же время Мария могла сбежать с пар и отправиться на окраину Тарасова, чтобы позвонить мне и попросить о помощи. Но какой леший ее сюда занес? В трезвом уме и здравой памяти человек, который боится за свою жизнь и собирается нанять телохранителя, ни за что не поедет на пустырь, а предпочтет встретиться с бодигардом в людном месте. Значит, Марию сюда кто-то привез, вот только когда? Если это произошло сегодня утром,

родители вряд ли начнут беспокоиться – дочка в университете, все в порядке. А вот если девушку похитили накануне, все меняется. В полиции заявление принимают лишь спустя трое суток после исчезновения человека, но родные Марии, скорее всего, места себе не находят, не могут дозвониться до дочери.

У второй Марии я смогу опросить только ее единственную родственницу – мать Ольгу Николаевну. Не знаю, какие отношения у младшей Лисихиной со старшей, но, кроме Ольги Николаевны, опрашивать все равно некого. Можно, конечно, съездить на работу к Марии и расспросить ее коллег – вдруг кто может рассказать что-то интересное. Проблема в том, что детских магазинов в Тарасове огромное количество, в каком именно работает Мария – неизвестно. Поэтому первым делом все-таки надо поговорить с Ольгой Николаевной.

К обеим Лисихиным нужно навеститься домой. Я решила сэкономить время и, так как обе Марии могли быть моими клиентками, посмотрела, какая из Лисихиных живет ближе к Елшанскому району города, где я сейчас находилась.

Составив примерный маршрут, я определилась с дальнейшими своими перемещениями.

Первой в списке оказалась «младшая» Лисихина – до ее дома ехать около тридцати минут, тогда как дом второй женщины располагался гораздо дальше.

Я завела мотор и выехала на дорогу. Дождь усиливался,

мелкая морось превратилась в настоящий ливень. Похоже, зарядит на весь день, подумала я про себя. Включила «дворники», приоткрыла окна, которые успели запотеть. Еще раз набрала номер Марии Лисихиной, но результат был все тот же – голос автоответчика.

До улицы Новоузенской я добралась довольно быстро, к счастью, дело обошлось без пробок. Припарковав машину возле нужного дома, я подошла к подъезду и позвонила в домофон, про себя надеясь, что дома окажется кто-то из родственников Марии Лисихиной. Вроде как мать Марии нигде не работает официально, может, удастся поговорить с ней.

К счастью, вскоре мне ответили. Женский хриплый голос спросил, кто это, я назвала свое имя и заявила, что мне нужно поговорить с Марией Лисихиной.

– А по какому поводу? – недоверчиво ответила мне женщина.

– По поводу учебы, – пришлось импровизировать на ходу. – Вы – мама Марии?

– Нет, вообще-то Мария Лисихина – это я, – заявила моя собеседница. – Входите...

Дверь открылась, я зашла в подъезд. Похоже, я ошиблась – по телефону со мной разговаривала совсем другая женщина, голоса были разные. Но делать нечего – надо поговорить с первой Лисихиной и удостовериться, что она мне не звонила...

Мария Лисихина проживала в трехкомнатной квартире.

Дома она была одна, встречала меня на пороге.

Я внимательно оглядела девушку. Немного полноватая, с длинными русыми волосами, одета в пижаму. Вроде сейчас не раннее утро, почему Мария дома? Однако вскоре я догадалась, в чем причина: Лисихина закашлялась и чихнула.

– Ой, простите, – проговорила девушка хрипло. – Я звонила преподавателю Елене Глебовне, говорила, что заболела... У меня температура тридцать семь и восемь, плохо себя чувствую, вызвала врача на дом...

– Вот как, – отозвалась я. – Ясно, выздоравливайте. Я из деканата, мне нужно уточнить номер вашего телефона.

Мария кивнула и продиктовала мне номер своего мобильного. Я поняла, что звонила мне другая Лисихина – номер моей клиентки был совершенно другим. Значит, я ошиблась – нужно проверить вторую Лисихину.

Я еще раз пожелала Марии скорейшего выздоровления и попрощалась с девушкой.

Улица Барнаулова находилась едва ли не в другом конце города. Как назло, я угодила в затор и минут пятнадцать медленно ползла за вереницей машин. Понятное дело – дождь осенью в Тарасове является погодной аномалией, вот и появляются пробки... Ума не приложу, почему у нас такая ситуация на дорогах, которая не меняется из года в год.

Поездка заняла у меня целый час. Время близилось к обеду – без пятнадцати два, если мать Марии на работе, сегодня я вряд ли застану ее дома. И все же я надеялась на лучшее.

Насколько мне известно, врачи «Скорой помощи» работают сутками, в отличие от врачей в больницах или поликлиниках. Но может, мне повезет и у старшей Лисихиной сегодня выходной? Жаль, что в базе данных нет номеров телефонов жителей Тарасова, это здорово сэкономило бы мое время. Увы, с появлением мобильных смена номера стала делом постоянным, по этой причине в программе значились лишь адреса проживания граждан, указанные в паспорте.

Я стояла у первого подъезда шестьдесят пятого дома улицы Барнаулова и звонила в квартиру номер десять. Тоскливо были длинные гудки, и я уже почти потеряла всякую надежду застать кого-то дома, когда трубку наконец-то взяли.

Сонный голос (сегодня мне везет на людей, которые спят до обеда) устало проговорил:

– Слушаю, кто это?

– Меня зовут Евгения Охотникова, – представилась я. – Мне нужно поговорить с Марией Лисихиной либо с кем-то из ее родственников. Это очень важно!

– Марии дома нет, – оповестила меня женщина. – Я ее мать, если у вас важное дело, можете обговорить его со мной. Правда, мне Маша о вас ничего никогда не говорила... Вы с ее работы?

– Нет, давайте побеседуем лично, по домофону не очень удобно разговаривать, – заметила я. – Не волнуйтесь, я не бандитка и не грабительница, мне всего-навсего надо задать вам пару вопросов по поводу вашей дочери.

– Да я и не считала вас грабительницей, – равнодушно проговорила Ольга Николаевна (ведь так звали мать Марии). – Воровать у нас дома особо нечего, вряд ли вас заинтересует телевизор или микроволновка...

Она нажала на кнопку, дверь отворилась. Я зашла в подъезд и поднялась на второй этаж. В дверях стояла невысокая худая женщина с лицом, испещренным морщинами, и потухшим взглядом. На вид ей можно было дать все семьдесят пять лет, однако из базы данных я знала, что матери Марии Лисихиной недавно исполнилось лишь пятьдесят девять. Жизнь, похоже, сильно ее потрепала, да и на уход за собой Ольга Николаевна не тратила времени, вряд ли она посещала салоны красоты и ходила по бутикам. Одетая женщина была в тренировочные штаны и футболку, которые, скорее всего, использовала в качестве пижамы или домашней одежды.

– Простите, что я без звонка, – проговорила я, входя в крохотную прихожую. – Не смогла найти номер вашего телефона...

– Ничего страшного, я и не услышала бы звук мобильного, – махнула рукой Ольга Николаевна. – Спала после суток, вот и включила беззвучный режим. Так какой у вас важный вопрос? Вы проходите, обувь можете не снимать, я еще не убиралась в квартире... Давайте на кухню, что ли, пройдем, простите за бардак, руки не доходят устроить генеральную уборку, запустила дом...

Я все же разулась – не привыкла ходить по чужой квартире в обуви, делаю это только в крайних случаях – и прошла вслед за женщиной на кухню. По пути Ольга Николаевна не переставала извиняться за беспорядок, хотя никакого особого захламления я в ее квартире не обнаружила. Маленькая двухкомнатная жилплощадь, старая мебель, на кухне – минимум техники. Хороший ремонт здесь, конечно, не помещает, а вот уборкой дело не спасешь. Какой смысл вытирать пыль с такой древней мебели, что она того и гляди развалится? Ольга Николаевна, как могла, поддерживала уют в доме – на табуретках в кухне я увидела красивые вязаные сидушки, на гвоздиках висели разноцветные вязаные прихватки, видимо творчество самой Ольги Николаевны либо ее дочери. На кухонном столе, занимавшем половину помещения, стояли чашки из-под кофе да белый заварочный чайник.

Ольга Николаевна предложила мне сесть на табурет и предложила:

– Будете чай или кофе? К сожалению, ничего к чаю нет, если бы знала, что будут гости, купила бы конфет или печенья...

– Не стоит беспокоиться! – проговорила я. – От кофе, впрочем, не откажусь.

Пока Ольга Николаевна хлопотала на кухне, я обдумывала, как лучше начать разговор. Первым делом мне нужно узнать номер Марии и сравнить его с тем, с которого мне звонила моя пропавшая клиентка. И вообще, может, я не по

тому адресу приехала и дочь Ольги Николаевны – всего лишь тезка исчезнувшей Марии Лисихиной?

– Ольга Николаевна, где сейчас находится ваша дочь? – начала я. – Она на работе?

– Нет, она временно взяла больничный, – покачала головой женщина. – Проблемы со здоровьем. Она же написала заявление!

– Знаю, но я не могу до нее дозвониться, – проговорила я. – Мне дали номер телефона Марии, может, я не так записала? – Я назвала номер, по которому мне звонила пропавшая.

Ольга Николаевна кивнула.

– Да, это Машин номер, – произнесла она. – Но дочь сейчас в больнице, наверно, поэтому вы не можете до нее дозвониться!

– А в какой она больнице? – поинтересовалась я.

Ольга Николаевна пожала плечами, немного помедлила и быстро сказала:

– В кардиологии. Проблемы с сердечно-сосудистой системой. Простите за вопрос, но кто вы такая и почему интересуетесь Марией?

– Мое имя вы знаете, – напомнила я. – А интересуюсь Марией потому, что она сама утром мне звонила и умоляла помочь ей. Ваша дочь назначила мне встречу в Елшанском районе Тарасова, на самой окраине, в заброшенных гаражах. Когда я приехала на место, Марии там не оказалось, и дозво-

ниться до нее я не могу. Какие у нее проблемы, мне неизвестно, но, так как вы являетесь ее матерью, вы должны хоть что-то знать об обстоятельствах дела!

– Я понятия не имею, о чем вас могла просить Маша и как она вообще до вас смогла дозвониться! – воскликнула Ольга Николаевна. – В больнице у пациентов забирают мобильные телефоны, выдают их только в двенадцать часов дня, а не утром! Может, произошла какая-то ошибка? О чем вас просила Мария? Какая помощь ей нужна?

– Она хотела, чтобы я обеспечила ее личную безопасность, – заявила я. – Позвольте узнать, почему в отделении кардиологии пациентам не дают пользоваться мобильными телефонами? Насколько я знаю, такого никогда не было, какое-то нововведение?

– Ну... я тоже не знаю, – не слишком убедительно произнесла женщина. – Только еще раз вам говорю, это ошибка! Маша не могла вам звонить, это точно! Вы говорите, она с вами говорила утром? Во сколько?

– В девять утра.

– Ну, вот видите! – воскликнула Ольга Николаевна. – Мобильного в такое время у дочери быть не могло, кто-то другой вам звонил!

– Ну да, и этот другой человек назвался именем Марии Лисихиной, – хмыкнула я. – Что-то странное, вы не находите? Вы когда в последний раз видели вашу дочь?

– В пятницу. Приемные дни в будни, в выходные посеще-

ние родственников запрещено.

– А какой точный диагноз Марии? – продолжала расспрашивать я. – В принципе, я сама могу позвонить в отделение кардиологии больницы, даже если вы не скажете номер лечебного заведения, найти его не проблема. Но будет лучше не тратить время зря, я надеюсь, вы меня понимаете. Я сотрудничаю с полицией, поэтому замалчивание важной информации является правонарушением.

– Вы из полиции? – удивилась Ольга Николаевна. – Но... но я ничего не понимаю!

– Я работаю телохранителем, – заявила я. – Ко мне обращаются люди, которым угрожает опасность, и я охраняю их жизнь. Мария Лисихина обратилась ко мне за помощью, но я боюсь, с ней что-то случилось, поэтому необходимо разыскать вашу дочь! Вы понимаете серьезность ситуации?

– Да не могло с Машей ничего произойти, она в больнице! – стояла на своем Ольга Николаевна. – Произошла какая-то ошибка, выйти из лечебного заведения без ведома врачей невозможно, и потом, Маша не могла оказаться в Елшанском районе, это ведь у черта на куличках! Может, кто-то глупо пошутил?

– Вряд ли, – покачала я головой. – Что-то мне подсказывает, Мария Лисихина совсем не в отделении кардиологии находится. Еще раз повторю, я могу узнать, где она, но лучше вам самой сказать мне! Так где лежит ваша дочь?

– Ладно, – Ольга Николаевна опустила голову и поник-

шим голосом проговорила: – Вы все равно ведь докопаетесь до истины, нет смысла скрывать. Только прошу вас, не распространяйте эту информацию! Обещаете?

– Хорошо, – кивнула я. – В какой больнице лежит ваша дочь?

– В психиатрической. В отделении наркологии.

Глава 2

Ольга Николаевна замолчала, ожидая моей реакции.

Я спокойно кивнула.

– Если это правда, я признательна вам за честность, – проговорила я. – Скажите, Мария злоупотребляла наркотиками, раз лежит в отделении наркологии? Или у нее проблемы с алкоголем?

– У Маши алкоголизм, – пояснила женщина. – Она страдает от своего заболевания уже два года. Я узнала об этом сравнительно недавно, но считала, что дочь контролирует ситуацию. Она же пила только вино и шампанское, никакой водки и крепкого алкоголя... Я сама иногда позволяю себе выпить пива – когда дежурство выдается слишком тяжелое или проблемы какие... Но вы не подумайте, я употребляю спиртное не постоянно, только в случае крайней необходимости. А Маша ведь взрослая женщина, она работала в школе учителем начальных классов, и я даже подумать не могла, что с ней случится такое... Все было хорошо – дочери нравилась ее работа, она ходила в школу с удовольствием, рассказывала мне, какие дети у нее в классе... А потом я стала замечать в ее поведении что-то странное. Она то ходила хмурая, как туча, то, наоборот, пребывала в состоянии эйфории, смеялась и казалась самым счастливым человеком на земле. Я не психолог и не психиатр, поэтому не придавала странному

поведению Маши никакого значения. А потом выяснилось, что Мария влюблена, как школьница, в нового учителя истории, Максима Федотова. Он младше ее на два года, в школу устроился три года назад, и Маша сразу обратила на него внимание. Уж не знаю деталей этой истории, но вроде молодой человек дал ей повод надеяться на взаимность. Они начали встречаться, но Маша меня не знакомила со своим кавалером – обо всем этом я узнала гораздо позже... И вообще, об их связи никто не знал – они встречались после работы в отеле, а в школе держались так, словно их ничего не связывает. Дочь сама мне об этом рассказала. В общем, если без подробностей, то примерно через полгода отношений Маша внезапно узнала, что ее Максим на самом деле женат, у него маленькая дочь и сын. Маша была раздавлена, уничижена – она не собиралась уводить Федотова из семьи. Он же воспринимал ее как любовницу, забавную игрушку, которой можно попользоваться и бросить. Максим заявил Маше, что на серьезные отношения она может не рассчитывать, и вообще, если она хоть заикнется об их связи, будет жалеть об этом всю жизнь. Вроде как он ее так опозорит, что ни в одну школу она больше не устроится. А Маша была романтиком всю жизнь, этакая «тургеневская барышня», которая верит в чистую и светлую любовь до гроба и мечтает о принце на белом коне. И вот ее принц оказался мерзавцем, а сама Мария выглядела бы в глазах общества разлучницей, девицей легкого поведения, любовницей женатого мужчины. Чтобы

заглушить душевную боль и справиться с депрессией, дочь стала покупать вино в коробках и пить его втайне от меня. Она даже переливала спиртное в бутылки из-под сока, и я понятия не имела, что в яблочном соке на самом деле не сок, а красное вино. Да я и не смотрела, что Маша ест или пьет – не подросток она, взрослая уже! Потом Маша уволилась из школы – мне сказала, что устала от своей работы и от детей, на все мои уговоры вернуться отвечала решительным отказом. В другую школу она работать не пошла, устроилась продавцом-оформителем в магазин. Я не понимала, почему дочь сменила нормальную работу на такую... низкооплачиваемую и непрестижную. В магазине она трудилась с десяти утра до восьми вечера, график у нее был два через два и отпуск – всего-навсего месяц вместо двух с половиной, как в школе. В общем, идея дочери казалась мне бредовой. Потом я нашла пустую коробку из-под вина в ее сумке, спросила Машу, что это значит. Дочь пожалала плечами и заявила, что это не мое дело. А я стала наблюдать за поведением Маши, отметила ряд странностей в поведении. По вечерам дочка запиралась в своей комнате, брала с собой бутылку сока и пару яблок, от ужина отказывалась. Я поняла, что дело нечисто, попробовала как-то сок на вкус, и до меня дошло, что Маша на самом деле пьет спиртное, причем делает это каждый день. Я вызвала дочь на откровенный разговор, заявила, что не отстану от нее, пока она мне не расскажет всю правду. Маша выложила мне все – и про несчастную любовь, и про

спиртные напитки, призналась, что ей самой страшно, так как она и дня не может прожить без выпивки. Дочь просила у меня прощения, умоляла не сердиться на нее... Я решила, что нужно действовать – сперва Маша лечилась амбулаторно, но это не помогало. Таблетки действовали на дочь не так, как должны, – без спиртного у нее началась бессонница, Маша не могла сосредоточиться. Лечащий врач посоветовал начать стационарное лечение. Естественно, в магазине дочь никому не сказала, что у нее за проблемы, – взяла больничный, я помогла ей со справкой, благо на работе у меня есть нужные знакомые. Врач Маши советовал психиатрическую больницу – там хорошие специалисты, большинство пациентов выздоравливают от алкоголизма и наркомании. Лечебница закрытая, больным не разрешается выходить на улицу, посещения пациентов строго регламентированы по времени, в отсутствие врачей приезжать родственникам запрещено. Мобильными телефонами разрешают пользоваться один раз в день, выдают только для того, чтобы больные могли позвонить родственникам или знакомым, а потом забирают мобильники и кладут в сейф. Все передачи тщательно проверяются, в больнице строгий контроль за питанием пациентов, список разрешенных продуктов довольно небольшой. Я езжу к дочери каждый будний день – кроме своих суток, конечно, но если я не приезжаю, то Маша со мной созванивается, мы об этом договорились. Сегодня я как раз собиралась ехать к дочери, мы условились с ней, что я буду приезжать

к пяти часам вечера, так как до этого времени у пациентов капельницы и процедуры.

– Вы звонили в больницу сегодня? – спросила я.

Ольга Николаевна отрицательно покачала головой.

– Нет, а зачем мне звонить? Я же приеду, Маша мне тоже не звонила – она знает, что после суток я сплю, мне надо хотя бы часок вздремнуть, чтобы чувствовать себя нормально. Раньше я могла и в ночь выходить после основной смены, но сейчас здоровье уже не позволяет. Увы, с возрастом мы не молодеем...

– Как вы думаете, может ли что-то угрожать жизни вашей дочери? – задала я новый вопрос.

– Разве что алкоголь, – вздохнула Ольга Николаевна. – Я не знаю, каким образом Маша умудрилась дозвониться до вас – даже если так, предположим, что дочка как-то вытаскила свой мобильный из сейфа, чего, в принципе, быть не может, откуда-то взяла ваш номер и вызвала вас на пустырь... Но поверьте, чем дальше я все это представляю, тем больше все походит на бред чьего-то больного воображения. Начнем с того, что ни один пациент не может проникнуть в закрытый кабинет врача! Да больные вообще не покидают своего отделения без сопровождения медсестры! Медсестра отводит их в столовую на завтрак, обед и ужин, душ они принимают тоже в сопровождении медицинского персонала! То есть дочка ни при каких условиях не может уйти куда-то дальше своей палаты! А тем более – выкрасть телефон, поговорить с вами

и добраться до другого конца города! Денег у Маши нет, все личные вещи в сейфе, а зарплатная карточка дочери у нас дома, в больницу ее дочь не взяла. Вы понимаете, что все это невозможно? Пешком Маша бы не дошла до Елшанского района, это точно. Поэтому я думаю, что кто-то устроил нелепый, глупый розыгрыш, непонятно, с какой целью!

– И все же я хочу разобраться в ситуации, – проговорила я. – Прежде всего надо установить, в больнице ваша дочь или нет. Если она в своем отделении, я бы хотела с ней поговорить и узнать, как и зачем она мне позвонила!

– Если бы звонок поступил в полдень – когда пациентам выдают телефоны, – я бы поверила в то, что Маша вам звонила, – сказала женщина. – А наговорить она могла что угодно. Дочь ведь сейчас лечение проходит, ей подбирают лекарство, некоторые препараты могут давать побочную реакцию в виде галлюцинаций, паники и тревоги. Маше может показаться, что ее хотят убить, и это в данном случае абсолютно нормально. Психиатрия – вообще штука сложная, именно поэтому больным лучше лечиться под строгим наблюдением врача, чтобы он вовремя корректировал лечение.

– А во время ваших визитов вы не замечали в поведении дочери чего-нибудь странного? – поинтересовалась я.

Ольга Николаевна вздохнула.

– Да по-разному бывает, – сказала она. – Иногда Маша не хочет вообще со мной разговаривать – я прихожу, ее выводят, и мы сидим за столом друг напротив друга. Я задаю ей

вопросы, рассказываю что-то, а она смотрит на меня стеклянным взглядом и ничего не говорит. Иногда дочь прогоняет меня – вроде не хочет общаться, а иногда плачет и уговаривает меня забрать ее домой. Увы, я ни разу не видела Машу в хорошем настроении – когда она со мной говорит, то жалуется на то, что еда в столовой ужасная, кормят их помоями, а свою собственную еду вместо больничной есть запрещают. То есть завтрак, обед и ужин пациенты обязаны съесть в столовой, а гостинцы, прошедшие проверку, им выдают в качестве перекусов. Иногда Маша жалуется на медсестер – особенно ей не нравится Лариса Михайловна, которая, по словам дочери, издевается над ней. Но я говорила с Ларисой Михайловной, вроде вполне себе адекватная женщина, у нее и в мыслях не было издеваться над пациентами...

– А как эта Лариса Михайловна издевается над Машей, дочь вам рассказывала?

– Вроде как медсестра один раз смешала в Машиной тарелке первое и второе и заставила дочь это съесть. Маша отказывалась от обеда, и между ней и Ларисой Михайловной произошел конфликт. Но медсестра это отрицает, да и зачем ей это? Я сделала вид, что поверила дочери, но мне кажется, Маша сама это выдумала и поверила в то, что над ней действительно в больнице измываются. Мне врач дочери сказал, что такое бывает у пациентов, которые находятся на данной стадии лечения. Отсутствие алкоголя превращает больных

в невротиков, а у некоторых развивается мания преследования. Но этот этап надо просто переждать, при подборе адекватного лечения состояние пациента нормализуется и подобные вспышки прекратятся.

– То есть вы дочери не поверили, – заключила я.

Ольга Николаевна виновато пожала плечами.

– Маша больна, и пока она не может нормально реагировать на происходящие события. Я очень люблю свою дочь, готова на все ради нее! Я ведь воспитывала Машеньку одна – муж ушел от меня, когда дочке было всего-навсего два года. Вся моя жизнь сосредоточилась на Маше, ради нее я работала, ради нее терпела невзгоды и трудности... Не будь у меня дочери, не знаю, смогла бы я так или сломалась. Мне очень хочется самой лучшей судьбы для Маши, я сильно переживаю за нее. Но при этом я понимаю, что в настоящий момент дочь переживает трудный период жизни и не всем ее словам можно верить. Даже если Маша думает, что в больнице с ней поступают плохо, на самом деле все это делается для ее же блага! Я уверена, что, когда дочь пройдет курс лечения, она будет с благодарностью вспоминать врачей и медсестер!

– Сколько времени Мария находится в больнице? – спросила я.

– Почти три недели, – вздохнула Ольга Николаевна. – Лечение затянулось, потому что пока не удастся подобрать соответствующие препараты. Их уже третий раз меняют – первая комбинация вызвала бессонницу, которая не прекраща-

лась, вторая – панику и тревожное расстройство, третья, похоже, тоже не работает – раз у Маши галлюцинации... Сегодня я собираюсь поговорить с врачом дочери, он работает до пяти часов вечера, поэтому я успею застать его на рабочем месте.

– Как зовут лечащего врача вашей дочери? – поинтересовалась я.

– Анатолий Александрович Корнищенко, – ответила женщина. – Очень хороший специалист, как раз занимается такими же пациентами, как и Маша. Мне его хвалили, говорят, он хоть и долго работает с каждым больным, но после лечения ни один из пациентов не возвращается к пагубному пристрастию. Поэтому я готова платить любые деньги, лишь бы Маше помогли.

– То есть лечение в больнице платное, – подытожила я.

Ольга Николаевна кивнула.

– Конечно, бесплатно нормально не вылечат. Бесплатно только «Скорая помощь» работает...

– В каком магазине работает Мария? – резко сменила тему я.

– Магазин называется «Веселая затея», это сеть магазинов с детскими товарами, – пояснила женщина. – Находится он по адресу: Варфоломеевский проезд, дом восемь – там большой торговый центр и точка, где продают воздушные гелиевые шарики, фигуры из шаров и товары для дня рождения. По сути дела, магазином «Веселую затею» не назовешь

– просто торговая точка.

– Вот как, – проговорила я. – Много там людей работает?

– На точке только один продавец-оформитель, – произнесла Ольга Николаевна. – А в самом торговом центре полно народу. В «Веселой затее» два продавца только в том случае, если один из них проходит стажировку. Маша, когда стажировалась, работала в паре с одной девушкой – Наташей, что ли, а может, Леной, я точно не скажу. И у Маши тоже одна девочка стажировалась, дочка говорила что-то, но я не помню... Ну, не девочка, конечно, женщина, это я так сказала.

– Ясно, – кивнула я. – В какой школе Мария работала?

– В сорок третьей, – ответила женщина. – Она недалеко отсюда находится. А почему вы спрашиваете?

– Собираю информацию, – отозвалась я.

На самом деле я знала из базы данных номер школы, где семь лет преподавала Лисихина, задала вопрос лишь для того, чтобы понять, правду мне говорит Ольга Николаевна или нет. Хотя какой смысл ей скрывать от меня информацию?

Пока ее рассказ не вызывал вопросов, все довольно логично и последовательно. Несчастливая любовь, злоупотребление алкоголем, смена профессии, причем кардинальная, психиатрическая больница – я прояснила благодаря рассказу Ольги Николаевны непонятные для меня вопросы, полученные из базы данных. Но оставалась главная загадка: каким образом Мария достала свой телефон, который находится в сейфе кабинета врача, позвонила мне, а потом материализова-

лась в Елшанском районе Тарасова? Пока что эти события выглядят чересчур фантастическими, повернуть такое пациентке лечебницы не по силам. Очень сомневаюсь, что у Лисихиной имелся набор отмычек, который девица пронесла незаметно от врачей и медсестер. А без отмычек или ключа сейф не откроешь, выходит, Маша стащила ключ? А заодно прихватила и ключ от двери в лечебницу, не сквозь стены же она прошла! Хотя существует вероятность, что с телефона Марии мне позвонила какая-то другая женщина, назвалась Марией Лисихиной и назначила встречу в заброшенных гаражах. Но кто она и зачем ей это нужно? Еще одна загадка. Похоже, пока я не поговорю с Марией, не получу ответа ни на один из своих вопросов.

– У вас есть фотография вашей дочери? – спросила я Ольгу Николаевну.

– Конечно, есть в фотоальбомах, но там она маленькая совсем...

– Нет, мне нужна недавняя фотография, – пояснила я. – Может, вы фотографировали дочь на телефон?

– Ах да, конечно, есть... – Женщина достала свой мобильный, стала искать снимок Марии. Потом протянула мне телефон.

Я посмотрела на фото Лисихиной. Мария была худой шатенкой с короткими волосами и огромными карими глазами, на фотографии женщина не улыбалась, смотрела серьезно и как-то грустно.

– Это фото сделано два месяца назад, – пояснила Ольга Николаевна. – Дочь не любит фотографироваться, она говорит, что нефотогенична. Но я все равно решила сделать снимок уж не знаю почему. Просто захотелось. Может, я чувствовала, что скоро наша жизнь круто изменится? Вот и сфотографировала Машу... На память.

– Можете переслать это фото мне? Я сейчас продиктую номер. – Я назвала цифры, Ольга Николаевна занесла их в память своего мобильного. Потом женщина переслала снимок мне.

Я поблагодарила ее; Ольга Николаевна посмотрела на часы и извиняющимся тоном проговорила:

– Вы меня простите, пожалуйста, но боюсь, мне нужно собраться в больницу. Ехать долго, с пересадками, а опаздывать не хочется... У вас ко мне есть еще какие-нибудь вопросы?

– Пока нет, – сказала я. – Вы тоже извините, что я вас разбудила и заняла ваше время. Единственное, о чем я хочу вас попросить, – после вашего посещения дочери позвоните мне и скажите, как прошла встреча. Не забудете?

Ольга Николаевна пообещала непременно позвонить мне после посещения дочери. Я не стала ее больше задерживать, попрощалась и вышла из квартиры.

Сидя в машине, забила в навигатор адрес психиатрической больницы, где лежала Маша. Лучше самой во всем разобраться – я решила поехать в лечебницу и лично побе-

седовать с Лисихиной.

Больница и в самом деле располагалась далеко от дома Лисихиных. Не знаю, на каком транспорте добирается Ольга Николаевна, но на машине я потратила около часа, чтобы доехать до лечебницы.

Припарковав машину возле остановки восемьдесят третьей маршрутки, я прикинула, что отсюда до Елшанского проезда ехать часа полтора, а то и больше, учитывая количество пробок. Пешком Мария не добралась бы до Елшанки и за сутки, а это значит, она пользовалась услугами такси либо ехала общественным транспортом. Но без денег это весьма проблематично, и как Лисихина ухитрилась проделать такой фокус?

Чем дольше я размышляла над этими вопросами, тем больше склонялась к мысли, что Мария не покидала больницу. Уж не знаю, откуда у нее мой номер телефона и как она достала свой мобильный из сейфа, но, скорее всего, девица либо «остроумно» пошутила, либо у нее малость съехала крыша, вот и стала мне названивать и просить о помощи. Ольга Николаевна ведь сама сказала мне, что пока ее дочери не могут подобрать адекватное лечение, поэтому Мария не может отвечать за свои поступки. Но сейчас я побеседую с лечащим врачом Лисихиной, если получится – то и с самой Марией, удостоверюсь, что больная находится у себя в палате, и поеду домой.

С такими мыслями я отправилась к пятнадцатому отделению, где пациентов лечили от алкоголизма, наркомании и депрессии.

Дверь в отделение была заперта. Я нажала на звонок, и спустя несколько минут дверь открыли. На пороге стояла хмурая женщина в белом халате и зеленых штанах и с неприязнью смотрела на меня. На вид ей было около сорока пяти – пятидесяти, за собой дама тщательно ухаживала. Я отметила ее модную стрижку, грамотный макияж и стильно подобранные очки, которые шли к ее лицу.

– Вам кого нужно? – спросила меня медсестра (скорее всего, это была именно дежурная медсестра, вроде в их обязанности входит встречать посетителей).

– Здравствуйте, – я сочла нужным проявить вежливость. – Я к Марии Лисихиной, мне нужно с ней поговорить.

– Вы ее родственница? – сурово спросила женщина.

– Нет, я ее знакомая, – соврала я. – Близкая подруга.

– В отделение пускаем только родственников, – категорично заявила медсестра. – Больше никого. До свидания.

– Постойте, – запротестовала я. – Тогда я хотела бы поговорить с лечащим врачом Марии Лисихиной, Анатолием Александровичем Корнищенко. Это-то хоть можно устроить?

– Нет, Корнищенко занят, – отрезала моя собеседница. – Всего доброго.

И, не успела я и слова сказать, как медсестра захлопнула

дверь. Я снова нажала на звонок, однако дверь мне не открыли. Я выругалась про себя, с трудом поборов желание пнуть дверь ногой.

Звонить снова бесполезно, вредная медсестра не станет мне открывать дверь, а пользоваться отмычками среди бела дня глупо и неэффективно. В конце концов, при необходимости я могу проникнуть в больницу ночью, однако я надеялась, что до этого дело не дойдет. Дождусь звонка Ольги Николаевны и от нее все узнаю – уж ей-то разрешат побеседовать с дочерью...

Я отошла от корпуса, решила немного пройтись и оглядеть территорию больницы. Корпуса лечебницы были старинными, здания показались мне весьма красивыми, но несколько меланхоличными, если можно так выразиться. Оттенок тоски придавали деревья с желтой осенней листвой да морозящий дождь, который и не думал прекращаться. Чуть поодаль от корпуса находилась маленькая деревянная церковь с зелеными куполами, а рядом с ней я увидела озеро.

Подойдя к церкви, я увидела ее название – храм Святой Софии. Внутрь заходить не стала, не сочла нужным это делать. Вряд ли я увижу что-то интересное, помимо икон и зажженных свечей.

Я еще немного погуляла по территории больницы, потом отправилась к своей машине. Рядом с остановкой маршрутки находился еще один корпус, до меня донесся запах тушеной капусты. Видимо, это была столовая и на ужин пациен-

там полагалось какое-то овощное блюдо. Наверняка несоленое – Ольга Николаевна говорила, что Мария не в восторге от больничной еды. Что ж, тогда я сочувствую пациентам лечебницы, которым не приходится выбирать, что есть.

От размышлений о больничных блюдах я почувствовала, как у меня засосало под ложечкой. Гоняясь по городу весь день, я совсем забыла о еде, и теперь отсутствие обеда давало о себе знать.

Я решила заехать по пути домой в какое-нибудь кафе или ресторан, до дома все равно добираться долго. Возле остановки было кафе, но я сомневалась, что там мне предложат что-нибудь съедобное, поэтому села в машину и поехала в сторону дома.

Приличное заведение я отыскала довольно быстро. Называлось кафе «Вкусная еда», и готовили здесь и в самом деле хорошо. Я заказала себе обед из трех блюд, с удовольствием умяла грибной суп, запеченную форель и яблочный пирог на десерт.

Времени было пять часов вечера, но от Ольги Николаевны никаких звонков не поступало, поэтому я решила подождать еще немного и самой позвонить ей из дома.

В шесть часов вечера я зашла к себе домой, разулась и направилась на кухню. Работал телевизор, я слышала звуки какой-то передачи о живой природе. Сама я давно не пользуюсь телевизором – сейчас любой фильм можно посмотреть онлайн, но тетя Мила так и не привыкла к экрану ноутбука.

Тетушка по старинке покупает программки и смотрит то, что показывают по тому или иному каналу. Мои попытки показать ей, как пользоваться компьютером и смотреть то, что захочешь, не увенчались успехом.

– Тетя Мила, я дома! – крикнула я, однако мне никто не ответил.

Не услышала она, что ли? Однако когда я зашла на кухню, то увидела, что в помещении никого нет, а телевизор включен.

Может, тетушка в магазин вышла? Я открыла холодильник, но все полки были забиты продуктами. Нет, в продуктовой ей не нужно, она вроде собиралась какой-то пирог приготовить или торт, может, за ингредиентами для нового блюда пошла? Вполне могло оказаться, что к тете Миле зашла какая-нибудь очередная подружка и отвлекла ее от готовки. Тетушка на редкость общительный человек, ничего удивительного в том, что она любит гостей.

Я открыла духовку, никакого пирога там не было. Что поделаешь, хорошо, что я заехала в кафе, готовой еды у нас, похоже, нет. В холодильнике лежат овощи, фрукты, какая-то кисломолочная продукция, словом, все, что нужно для кулинарии.

Я налила себе воды и пошла в комнату, размышляя над вопросом, звонить мне Ольге Николаевне или нет.

Чтобы не терять время зря, я решила посмотреть информацию о лечащем враче Марии Лисихиной. Включив ноут-

бук, я открыла базу данных – на компьютере гораздо проще выполнять эту работу, не нужно тыкать пальцем в клавиатуру сенсорного экрана, ввела имя и фамилию нужного мне человека.

Анатолию Александровичу Корнищенко было сорок семь лет, психиатром он работал двадцать четыре года. Солидный стаж, отметила я про себя. Как водится, Анатолий Александрович отучился в медицинском университете шесть лет, а потом стал работать в больнице номер два психиатром. Спустя три года Корнищенко опубликовал статью, посвященную инновационным методам лечения депрессивных состояний, через год была выпущена книга под его редакцией об алкогольной и наркотической зависимостях во врачебной практике. Анатолий Александрович успешно делал карьеру, переехал в психиатрическую больницу, где работает до сих пор. В возрасте тридцати пяти лет Корнищенко женился на Жанне Алексеевне Ищенко, которая по специальности была врачом-неврологом, у супругов родились две дочери – Анна и Софья, которым сейчас по двадцать два года. Судим Корнищенко не был, к уголовной ответственности не привлекался – словом, всецело положительный человек, к биографии которого невозможно придираться.

Больше проверять мне было некого – фамилии медсестры, которая якобы издевалась над Марией, я не знала, поэтому я взяла телефон и решила позвонить Ольге Николаевне.

Набрала номер женщины, стала ждать, когда она ответит.

Спустя минуту Ольга Николаевна взяла трубку.

– Добрый вечер, – произнесла я. – Это Евгения Охотникова вас беспокоит, мы условились с вами созвониться.

– Ох... простите, мне не до звонков было, но хорошо, что вы первой мне позвонили... – Голос Ольги Николаевны показался мне встревоженным.

– Что-то случилось? – насторожилась я. – Вы были у дочери?

– Да, я ездила в больницу, – тихо проговорила Ольга Николаевна. – До сих пор в это не могу поверить, но... Маша сбежала!

– Сбежала? – переспросила я. – Так, где вы сейчас находитесь? Я подъеду, и мы с вами спокойно поговорим, по телефону обсуждать такие вещи не стоит!

– Я дома, мне сказали, что сообщат, как что-то узнают...

– Никуда не уходите, я скоро буду!

Ольга Николаевна выглядела осунувшейся и еще сильнее постаревшей. Казалось, у нее добавилось новых морщин, взгляд несчастной женщины был обреченный и потерянный. Глаза покраснели – видимо, она плакала, переживая за свою непутевую дочь.

Некоторое время она недоуменно смотрела на меня, словно вспоминая, кто я такая, потом едва слышно проговорила:

– Проходите, давайте на кухне говорить... Дома не убрano...

Мы прошли на кухню, Ольга Николаевна села на табурет и закрыла лицо руками. Я уселась напротив нее и произнесла:

– Расскажите все по порядку. Мне нужно знать обстоятельства дела, только так я смогу вам помочь! Когда сбежала Мария?

– Я приехала сегодня в отделение, как и договаривались с Машей, к четырем часам, – начала женщина. – Позвонила в дверь, дежурила Лариса Михайловна, она мне сказала, что меня ждет Анатолий Александрович, чтобы поговорить. Я хотела сперва с дочкой пообщаться, попросила Ларису Михайловну, чтобы Машу позвали, но она отказала мне в просьбе. Я решила, что дочка просто не хочет со мной разговаривать – такое с ней бывало, но дежурная медсестра все равно приводила ее на свидание. Уже тогда я подумала, что-то неладное происходит, вспомнила, о чем мы говорили, но потом решила, что я напрасно себя накручиваю. Все это недоумение – и Машин звонок, и ваша несостоявшаяся встреча... Откуда мне было знать, что все это правда?..

– Вы пошли к лечащему врачу Маши, верно? – Поскольку Ольга Николаевна замолчала, я задала ей вопрос, чтобы восстановить хронологическую цепь событий.

Женщина кивнула:

– Да, я думала, что Анатолий Александрович скажет что-то о лечении дочери, я ведь сама с ним хотела побеседовать... Но, когда я вошла в кабинет, врач предложил мне присесть на стул и налил стакан воды. Я поняла, что с Ма-

шей что-то случилось... А он сказал мне не волноваться, хотя глупее фразы и придумать нельзя. Человек, которому говорят «не волнуйся и не переживай», просто с ума сойдет от беспокойства! Я спросила его, что произошло. А Анатолий Александрович сказал, что Маша исчезла, вероятнее всего, она сбежала, хотя, как это случилось, никто не понимает. Все двери всегда закрыты, на окнах решетки, выбраться на улицу без ведома дежурной медсестры невозможно! Но в отделении ее точно нет – проверили все палаты, все помещения – может, она пробралась в столовую или душевую, воспользовалась моментом, когда дверь была открыта... Безрезультатно. Самое главное, что дежурная медсестра не заметила, когда исчезла моя дочь! Лариса Михайловна говорила, что на завтраке Маша была точно, она выдавала больным потом таблетки и помнит, что Лисихина брала свои лекарства. А потом внезапно выяснилось, что Маши в палате нет, более того, ее мобильный телефон отсутствует в сейфе! Врач Анатолий Александрович открыл свой кабинет в десять утра – до этого у него была планерка и кабинет был заперт на ключ. Это просто мистика какая-то, если бы мне кто-то рассказал подобное, я бы не поверила! Но получается, что Маша испарилась просто! Прошла сквозь стену в кабинет врача, вытащила свой телефон из сейфа, который тоже каким-то образом открыла, добралась до Елшанского проезда и стала звонить вам! Я сказала Корнищенко, что так просто все не оставлю, я подключу полицию – пускай разбираются, ку-

да пациенты в больнице пропадают! Анатолий Александрович стал уговаривать меня, якобы произошло недоразумение, Маша обязательно найдется, он сделает все необходимое... Но как только я подумаю, что моя дочь где-то блуждает одна под воздействием препаратов, у которых невесть какая побочка, мне становится жутко! И в полицию сейчас не обратишься – заявление принимают спустя три дня после исчезновения человека, я не верю в наши правоохранительные органы! Тем более если в полиции узнают, что моя дочка лечится от алкоголизма, дело и вовсе пустят на самотек! Женя, я вас умоляю, помогите мне найти Машу! Больше я ни в какую больницу ее не положу, все равно там ей ничего не прописали хорошего... Зря я связалась с этой лечебницей, но если бы я знала!..

– Ольга Николаевна, понимаю, что мои слова звучат для вас нелепо в данной ситуации, но попытайтесь успокоиться! – проговорила я. – Сейчас нужно не паниковать, а как следует подумать, каким образом Мария смогла сбежать из лечебницы. Я ездила в больницу, но меня и на порог не пустили – сказали, что навещать больных могут лишь родственники. Но можете не сомневаться, я найду способ проникнуть в это учреждение и разберусь, что на самом деле там происходит! Скажите, вы помните фамилию дежурной медсестры, которая работала, когда Мария пропала? Вроде ее зовут Лариса Михайловна, а фамилия у нее какая?

– Правдина, – ответила Ольга Николаевна. – У них бей-

джики висят с именами, я точно помню, что у Ларисы Михайловны фамилия Правдина. Очень легко запоминается...

– Отлично, – заметила я. – А фамилии других медсестер вы помните? Врачей, которые работают? Ведь не один Анатолий Александрович в больнице делами занимается!

– Я каждый день приезжала к Машеньке, – кивнула женщина. – Думаю, видела всех дежурных медсестер. У них смена начинается в семь тридцать утра – так мне Корнишенко говорил, когда я его расспрашивала про специфику лечебницы, – и заканчивается через двадцать четыре часа. Помимо Ларисы Михайловны, есть Наталья Петровна, она вроде самая молодая медсестра и самая приятная. Такая красивая, с длинными волнистыми волосами, добрая. Маша говорила, что ей Наталья Петровна больше всех нравится, она очень хорошо относится к пациентам, не ругается, не орет, разрешала Маше есть на ужин продукты из тех, что я ей передавала. Фамилию вот только не скажу, я забыла. То ли Бурова, то ли Бирюкова – помню, на «Б» начинается, но боюсь со- врать... Третья медсестра – Алевтина Федоровна, тоже спокойная, со мной доброжелательно говорила, но в случае чего может и строгой быть. Маше она тоже вроде нравится, в отличие от Ларисы Михайловны. У Алевтины Федоровны фамилия Добронравова, это тоже просто запомнить. И еще есть одна медсестра, которая заведует еще и хозяйственной частью, – Вера Ивановна. Она приходит на работу к девяти, а уходит в три часа дня. Маше Вера Ивановна не особо нра-

вится, она грубоватая, иногда может по-хамски себя вести и не церемонится с больными. Вроде все, больше медсестер там, кажется, нет...

– А врачи? – поинтересовалась я.

Ольга Николаевна наморщила лоб.

– Точно знаю, Анатолий Александрович не один работает, еще второй врач есть, но имени и фамилии не знаю. Он лечит других больных, с ним я не общаюсь, только с Корнищенко.

– Санитарок помните?

– Только внешне, – ответила моя собеседница. – По имени-фамилии их не помню, мельком видела потому что. Одна нерусская девчонка, молодая совсем, другая – пухленькая, розовощекая, кровь с молоком. Больше никого не вспомню...

– Что ж, для начала неплохо, – заметила я. – Выходит, в больнице только две санитарки?

– Да, одна в отпуске, вдвоем они плохо справляются, – пояснила Ольга Николаевна. – Я видела объявление на сайте больницы, что им требуется санитарка, но зарплата настолько мизерная, что туда никто не идет работать. Работа тяжелая, платят копейки – ну откуда тут возьмется идиот, который согласится на такие условия? Думаю, не скоро они найдут третью санитарку, скорее первая из отпуска вернется...

– В больницу пускают только родственников пациентов, верно? – уточнила я.

Ольга Николаевна кивнула.

– Да, документы спрашивают, так просто туда не войдешь... Я же говорю, закрытое лечебное учреждение, вот только, как оказалось, и из такого можно сбежать... Ох, где же моя дочка-то? Если бы я знала, что она сбежит, давно бы забрала ее домой... Видимо, и в самом деле ей тяжело приходилось, раз она пошла на такие меры. А я ведь считала, что Маша сама себе надумала все! Наверняка и в самом деле эта Правдина над ней издевалась, поэтому Маша и сбежала в тот день, когда Лариса Михайловна заступила на дежурство! Не выдержала...

– Вы знаете, кто из медсестер работал в воскресенье? – задала я новый вопрос.

Ольга Николаевна отрицательно покачала головой.

– Нет, я же не приезжала, нельзя... А у Анатолия Александровича не додумалась спросить, не сочла это важным. Вы считаете, что Маша накануне сбежала?

– Не факт, – покачала я головой. – Я просто пытаюсь понять, почему ваша дочь решилась на побег. Когда она разговаривала со мной, то была очень напугана, возможно, в воскресенье или в субботу произошло нечто такое, что толкнуло вашу дочь на побег. Вопрос: что именно? Вспомните, в пятницу Маша говорила про то, что боится чего-то или кого-то? Постарайтесь восстановить в памяти, как проходило ваше свидание. О чем вы разговаривали, какое настроение было у Маши, как она выглядела?

– Дочка не хотела со мной общаться, – нехотя призналась

Ольга Николаевна. – Дежурила Лариса Михайловна, она мне и сказала, что Маша отказывается выходить. Потом медсестра все-таки заставила дочку встретиться со мной. Я привезла Маше шоколад и бананы, еще йогурты разные, гранатовый сок... В шоколаде и в бананах содержится серотонин, а у Маши на фоне лечения развилась депрессия, поэтому я регулярно привожу ей сладкое. А гранатовый сок полезен при анемии. Маша выглядела очень уставшей и грустной, она не обратила внимания на пакет с передачкой. Я ведь ей еще кружку красивую купила. Маша очень любит кошек, на кружке была картинка с котятами, я вытащила из пакета кружку и дала ее дочери. А Маша взяла кружку в руки, повертела, а потом швырнула ее на пол. Кружка разбилась... Маша сказала, что не нужны ей от меня подарки, что я виновата в том, что она сидит тут, как заключенная, и вообще, я хочу от нее избавиться. Санитарка – нерусская девчонка – убрала осколки, а мне было очень больно и обидно, что дочь такого обо мне мнения. Я эту кружку искала по всему городу, чтобы сделать дочери приятное, а она... она так обошлась с подарком. Потом Маша кинула на пол пакет и сказала, что не нужна ей никакая еда. А когда санитарка убрала осколки, дочь вдруг расплакалась, стала просить у меня прощения и сказала, что ей жалко кружку, что она непременно хочет такую же и что больше она ничего разбивать не будет. Я пообещала, что обязательно привезу ей еще одну, чтоб она не плакала и не расстраивалась. Но дочка ни-

как не могла успокоиться... Лариса Михайловна увела ее, мне сказала, что даст Маше успокоительное, что она слишком разнервничалась из-за кружки, и попросила меня больше не привозить таких подарков. Вроде как состояние у Маши нестабильное, она не понимает, что делает, а потом сама же расстраивается из-за своих импульсивных поступков. Лечащий врач Маши говорил, что многие пациенты не хотят общаться с людьми из внешнего мира, даже с самыми близкими родственниками. Во время лечения в больнице у них образуется свой собственный мир, и никто за пределами лечебницы не может понять пациентов. Это абсолютно нормально – ведь люди двадцать четыре часа в сутки находятся друг рядом с другом, они в одинаковых условиях, у них есть общие темы для разговоров. А вот близкие, которые приезжают в больницу на двадцать-тридцать минут, представляют для пациентов чужеродных существ, с которыми не о чем говорить. Анатолий Александрович говорил, что, когда Маша выпишется и приедет домой, постепенно ее состояние изменится, произойдет адаптация к реальности и о больнице она забудет. А пока даже хорошо, что дочь нашла общий язык с другими больными. У нее ведь там друзья появились... Маша очень переживала, когда в один день выписались четверо ее друзей – она к ним привыкла, а они разом ушли из ее жизни. Это произошло в четверг, и, возможно, в пятницу она поэтому сорвалась – ей было грустно, сперва она осталась одна с новыми пациентами, вот и разбила кружку с котят-

ми. Но после этого Маше стало еще хуже – для некоторых больных вещи приобретают особый смысл, пациенты в этом плане как дети. Все это довольно сложно и непонятно, но, как говорится, психика человека – сложная штука, загадки мозга до сих пор не разгаданы...

– А Маша говорила в пятницу, что чего-то боится? – спросила я.

Ольга Николаевна отрицательно покачала головой.

– Нет, все ее внимание было сосредоточено на разбитой кружке, – сказала она. – Ни о чем другом она не говорила...

– Не знаете, с кем общается Маша? То есть с кем она общалась, когда ее друзей выписали?

– Нет, об этом дочь мне не рассказывает. И потом, больные постоянно меняются – кто-то лечится неделю, кто-то – чуть больше, в зависимости от тяжести состояния. С диагнозом моей дочери выписывают через неделю, но из-за того, что у Маши странная реакция на препараты, она в больнице находилась столько времени. Понимаете, организм дочери по-другому реагирует на лекарства, у нее возникают побочные эффекты, и поэтому врач никак не может подобрать лечение. Другие пациенты лучше переносят препараты.

– Ясно, – проговорила я. – Анатолий Александрович не говорил вам, территорию больницы уже осматривали?

– Я не знаю, врач сказал только, что Машу ищут...

– Кстати, вы сообщили ему, что Маша позвонила мне и назначила встречу в Елшанском районе города?

– Я не упоминала вашего имени и фамилии, – покачала головой Ольга Николаевна. – Не знала, стоило ли это делать... Единственное, о чем я сказала, что Маша звонила своей знакомой и просила приехать к Елшанскому проезду. Но Анатолий Александрович не поверил – точнее, он заявил, что Маша никак не может оказаться так далеко от больницы. Он уверял меня, что, скорее всего, моя дочь где-то в пределах Алтынского района, она не могла далеко уйти, а денег на транспорт у нее нет. Даже если Маша куда-то смогла уехать, скорее всего, она направится к себе домой, больше некуда. Либо к близким друзьям, но у Маши нет друзей. К Максиму она тоже не поедет – он же ее предал, из-за него она ушла с работы! А больше дочка ни с кем не встречалась, она теперь не доверяет мужчинам...

– Что ж, история действительно странная, – заключила я. – Но я попробую во всем разобраться. Если что-то узнаете, держите меня в курсе дела, я буду разыскивать вашу дочь своими методами...

Глава 3

Когда я уехала от Ольги Николаевны, было уже почти девять вечера. Я намеревалась первым делом пробить по базе данных людей, имена и фамилии которых сообщила мне мать Марии. А именно надо было проверить дежурных медсестер.

Личность Ларисы Михайловны вызывала у меня вопросы – ведь именно в ее смену исчезла Мария, с ней у Лисихиной были конфликты. К тому же я знала, как Правда выглядит, – она ведь не пускала меня в отделение, поэтому найти ее в базе данных сложности не представляло. Без фотографии поиски в программе затруднительны, так как у многих людей есть полные тезки, и неизвестно, какой однофамилец мне нужен.

На завтрашний день я запланировала посещение магазина, где работала Мария. Мне хотелось опросить людей, с кем общалась молодая женщина, возможно, они что-то знали о том, куда могла отправиться Лисихина. Не мешало бы опросить и Максима Федотова, из-за которого и начались проблемы Марии с алкоголем. Он ведь угрожал Лисихиной, когда та узнала о его семье, вдруг он причастен к исчезновению девушки? Может, именно его Мария боялась?

А что, версия заслуживает внимания: Федотов, который боится, что Мария расскажет его жене об измене мужа, ре-

шает устранить Лисихину, запугивает ее, в результате чего несчастная женщина в панике сбегает из больницы. Что это, вообще, за человек, молодой учитель истории? Почему я сразу не навела о нем справки, ведь больше ни у кого пока нет мотива угрожать Марии!

Окрыленная рождением новой версии, я ехала домой, чтобы спокойно все проверить по базе данных. Запоздало вспомнила, что не выключила телевизор, когда уходила из дома, слишком торопилась узнать все об исчезновении Марии Лисихиной. Хотя, если тетя Мила не выключила телевизор сама, значит, она собиралась скоро вернуться домой. Возможно, пришла она сразу после того, как я уехала...

Я припарковала машину возле дома, набрала номер нашей квартиры в домофон. Ключи доставать неохота – они где-то в моей сумке, тетя Мила наверняка ждет моего возвращения. Я обычно звоню ей, если мне нужно остаться ночевать вне дома, чтобы тетушка зря не беспокоилась. У нас с ней давний уговор: когда я на задании, тетя Мила не беспокоит меня по пустякам, так как это здорово отвлекает от расследования. Тетушка не обижается, если я подолгу отсутствую дома – она прекрасно понимает, что я занята и лишний раз тревожить меня не нужно.

Я топталась у подъезда около трех минут, а к двери никто не подходил. Странно, отметила я про себя, тетя Мила так рано не ложится спать... Может, не слышит звонка? Скорее всего, тетушка частенько включает телевизор слишком

громко, поэтому и не отвечает ни на телефонные звонки, ни на звонки в квартиру.

Я вытащила из сумки свои ключи, зашла в подъезд. Поднялась на свой этаж, открыла дверь ключом. По-прежнему работал телевизор, громкость никто не прибавлял. Тогда почему тетя не слышала моего звонка?

– Тетя Мила! – громко позвала я, снимая куртку в коридоре. – Ты что дверь не открываешь?..

Тишина. Никто мне не ответил – только телевизор продолжал свою неутихающую болтовню. Я прошла на кухню.

Свет выключен, по телевизору идет любимая передача тети Милы. Но вот где она сама?

Может, у себя в комнате? Вдруг ей стало плохо, а я об этом ничего не знаю?

Я побежала в комнату тетушки, но и там никого не было. Пустовала и моя комната. В квартире я находилась одна.

Куда тетя Мила могла запропасться на ночь глядя? Она не имеет привычки ночевать у подружек. Сходить в гости – пожалуйста, но ночует тетушка только у себя дома. В театр и на концерт она сегодня не собиралась, хотя... Мало ли, вдруг ей кто-то внезапно предложил сходить на спектакль или послушать классическую музыку? Тетя Мила обожает подобные мероприятия, а мне она ничего не сказала, потому что я уехала по рабочим делам. Правда, что я панику бью, если представление началось в семь вечера, тетушка будет дома около десяти.

Я посмотрела на часы и нахмурилась. Время уже десять, интересно, во сколько самое позднее заканчиваются культурные мероприятия?..

Я вытащила телефон и набрала номер тети Милы. Заиграла увертюра из «Волшебной флейты» Моцарта, которую так любит тетушка. Я ей сама установила на телефон эту музыку, помню, как она радовалась... Одновременно с увертюрой до меня донеслась другая музыка – мелодия тетиного звонка, тоже какая-то классическая мелодия. Я нахмурилась – мобильный телефон тетя Мила оставила дома, а ведь она берет его с собой даже в магазин! Что за чертовщина творится? Где тетя Мила?!

Я побежала на звук телефона. Мелодия доносилась из комнаты тетушки. Я включила свет, сразу увидела мобильный, который тетя Мила оставила на столе рядом со своим рукоделием. Помимо всего прочего, тетушка обожает вязать и вышивать – если она не готовит, то дома обязательно что-то мастерит...

Я подошла к столу, взяла в руки мобильный. Со стола на пол упала сложенная бумажка. Что это? Записка? Почему тогда тетя Мила не оставила ее на кухне?..

Я взяла бумажку в руки, развернула ее. Это действительно была записка, только вот написана она не от руки, а набрана на компьютере, а потом распечатана.

Текст письма гласил:

«Настало время расплаты. Это только начало – поверь,

впереди тебя ждет большая игра, за грехи придется отвечать. Первой умрет твоя тетка, и ее смерть будет на твоей совести. Заявишь в полицию – сильно пожалеешь».

Я несколько раз перечитала записку. У меня дрожали руки – наверно, впервые в моей жизни. Впервые в жизни я была до смерти напугана и не понимала, что мне теперь делать. Бравый телохранитель Женя Охотникова, которая тысячу раз смотрела в глаза смерти, которая не боялась ничего и никого на свете и которая, не раздумывая, подставлялась под пули, дабы спасти чью-то жизнь, сейчас паниковала и была близка к нервному срыву.

Я не могла поверить в то, что вижу. Все это было похоже на какой-то ночной кошмар, на бред, на галлюцинации, но не на реальность. Такое не должно было произойти – в квартире установлены сверхсовременные замки, которые невозможно открыть при помощи отмычек, окна защищены от огнестрельного оружия, пробраться к нам в дом невозможно!

Я прекрасно понимала, что первым делом при моей работе необходимо обезопасить жизнь близких, точнее, близкого мне человека, и позаботилась о том, чтобы тете Миле ничего не угрожало! Будь моя воля, я бы и камеры установила, но тетушка воспротивилась этому, и я пошла у нее на поводу. О чем теперь жалела... Тетя Мила говорила, что ей неприятно жить в квартире, где все снимается на камеру, и очень просила меня не устанавливать никаких камер. Я надеялась на то, что система защиты квартиры сработает, однако на деле

оказалось, что все это было бесполезно. Тетю Милу похитили, и я понятия не имею, жива ли она вообще или уже нет...

Когда я в десятый раз прочла записку, то остановила себя и призвала к спокойствию. Хладнокровие и трезвый ум – вот что мне сейчас необходимо. Я советовала Ольге Николаевне не паниковать и взять себя в руки, а сама не могу этого сделать! Понятное дело, пока сам не почувствуешь того, что испытывает человек, у которого пропал кто-то из близких, будешь сыпать умными советами, а когда беда коснется самого тебя – где все эти советы, где холодный рассудок и здравомыслие? Эмоции только вредят, их необходимо выключить и сосредоточиться на происшествии.

Итак, пока я разъезжала по городу, пытаюсь отыскать Марию Лисихину, некто похитил мою тетю. И этот человек явно мне знаком – он пытается за что-то мне отомстить. Вопрос – за что? В принципе, это может быть любой преступник, которого я засадила за решетку. Этот человек вышел на свободу и хочет со мной поквитаться – на это указывает записка, содержащая прямую угрозу. Но если вспомнить, сколько я провела успешных расследований за всю свою жизнь, можно сбиться со счета!

Конечно, я могу сесть за ноутбук и наводить справки обо всех преступниках, которые вышли на свободу, вот только и тогда количество подозреваемых будет слишком велико.

Ладно, предположим, некто мне мстит. Этот неизвестный каким-то образом проник в нашу квартиру, но открыть дверь

отмычками он не мог, влезть через окно – тоже. Следовательно, тетя Мила сама впустила злоумышленника в квартиру! Увы, тетушка весьма доверчивый человек, несмотря на то что она прекрасно знает, с какими опасностями я сталкиваюсь во время своей работы, ей и в голову не придет, что кто-то может навредить ей. Преступник мог представиться кем угодно, да даже слесарем-сантехником, проводящим проверку дома! И тетя Мила, невзирая на все мои предупреждения, наивно впустила убийцу в дом.

Я решила тщательным образом осмотреть квартиру на предмет улик. Проверила коридор, обе комнаты, кухню, однако ничего полезного для себя не нашла. Преступник не оставил никаких следов, из чего я сделала вывод, что действовал профессионал. Но как он выманил тетю Милу из дома? Если он сперва оглушил ее, а потом вытащил на улицу, это могли заметить соседи. Думаю, любой человек вызвал бы полицию – ведь тетю Милу похитили среди бела дня!

Надо опросить людей, живущих на одной лестничной площадке с нами, может, кто-то видел хоть что-то подозрительное...

Я вышла из квартиры и позвонила в соседнюю дверь. Вроде там проживает молодая семья с ребенком, может, кто-то из них был дома сегодня, когда произошло преступление?

Несмотря на поздний час, я не собиралась откладывать дело в долгий ящик, ведь чем скорее я опрошу соседей, тем быстрее смогу восстановить цепь происшедших событий.

Мне открыла женщина лет двадцати пяти – двадцати семи, одетая в темно-синие джинсы и толстовку. Ее волосы были забраны в высокий конский хвост, на лице отсутствовала косметика.

Я поздоровалась с ней и проговорила:

– Простите, что беспокою вас, я ваша соседка, Женя.

– А, здравствуйте, ничего страшного, – кивнула женщина. – Что-то случилось?

– Да, скажите, вы сегодня были дома днем? – поинтересовалась я.

Моя собеседница посмотрела на меня с подозрением.

– Предположим, а что такое? Я сейчас не работаю, дома сижу на хозяйстве...

– Возможно, вы видели, как из нашей квартиры выходила моя тетька, скорее всего, не одна, – сказала я. – Это очень важно, пожалуйста, вспомните!

– Я не знаю... – замешкалась женщина. – Хоть я и дома сижу, но у двери не дежурю, у меня куча дел, чтобы такой ерундой заниматься! Боюсь, ничем не могу вам помочь. Вы позвоните вашей тете и спросите у нее сами!

– Ее мобильный дома, – проговорила я. – Может быть, вы слышали какие-то подозрительные звуки? Шум или что-то подобное?

– Нет, ничего не слышала, – покачала головой моя собеседница. – Вы меня извините, но у меня суп на плите варится, не могу долго с вами разговаривать. Надеюсь, с вашей те-

тей ничего критичного не произошло, если она ушла куда-то и забыла телефон дома, то это нормальная ситуация. Сама иногда так делаю, до меня муж не может дозвониться... Все-го вам доброго!

И, не дожидаясь моего ответа, женщина закрыла передо мной дверь.

Я опросила других соседей, но все в один голос утверждали, что ничего странного не видели и не слышали. Я пришла к выводу, что тетю не тащили на улицу силой, она сама пошла вслед за преступником. Выходит, тетушку выманили из дома, а уже потом похитили.

Я вернулась в квартиру. Что ж, придется идти по другому пути. Раз опрос соседей не дал никаких результатов, придется проверить всех преступников, к поимке которых я имела отношение и которые сейчас находятся на свободе. Причем проверять нужно тех, кто вышел из тюрьмы сравнительно недавно – скорее всего, злоумышленник обдумал план мести, находясь в заключении, а освободившись, стал претворять свой замысел в жизнь.

Кто мог так ненавидеть меня? В принципе, кто угодно, не смогу сказать, кто из преступников искренне обрадовался, что получил по заслугам...

Я открыла свой ноутбук и залезла в другую базу данных, с информацией о судимых людях Тарасова. В запросе указала, что меня интересуют люди, вышедшие из мест заключения в период с августа по октябрь. Конечно, есть вероятность, что

преступник или преступница уже давно находится на свободе, а активные действия он или она начали совсем недавно.

Но и на мой запрос я получила довольно много ответов. К счастью, память у меня хорошая, я превосходно помню всех преступников, которых сама засадила за решетку. Те, кого я поймала относительно недавно, отбывали свое наказание, а вот освободились пять человек – Елизаров Сергей, Федорова Татьяна, Степанов Дмитрий, Безруков Артем и Казанцева Надежда.

Итак, кто из них мог пожелать расквитаться со мной?

Я вспомнила детали своих расследований. Никаких личных счетов я с этими людьми не сводила, всего лишь защищала своих клиентов. Но это не являлось гарантией того, что преступники не пожелают отправить меня и моих близких на тот свет за то, что я помешала их планам.

Елизаров был выпущен за примерное поведение, согласно информации, полученной из базы данных, в настоящее время он проживал в Тарасове и работал на заправке. Татьяна Федорова честно отбыла срок в колонии строгого режима, сейчас женщина нигде не работает, по крайней мере, официально. Степанов Дмитрий переехал из города в поселок Воскресенск, как и Федорова, нигде не работает. Безруков Артем, как оказалось, трагически погиб в автокатастрофе, а Надежда Казанцева устроилась работать продавцом в круглосуточный супермаркет.

Кто из них мог оказаться похитителем тети Милы, я не

имела ни малейшего представления, но четверых подозреваемых следовало проверить. Я стала искать дополнительную информацию об этих людях, но в базе данных не имелось ничего, способного помочь мне получить ответы на бесчисленные вопросы.

Я разочарованно листала скудные биографические сводки, потом закрыла программу и пошла на кухню. Вскипятила чайник, заварила себе крепкий кофе. Спать я сегодня не собиралась, да и о каком сне может идти речь, если тетя Мила находится в опасности и, где ее искать, я не имею ни малейшего представления?

Бодрящий напиток немного привел меня в чувство, по крайней мере, я смогла сосредоточиться на деле.

Итак, мне известно, что похититель пробрался в квартиру в тот период, когда я искала Марию Лисихину. Значит, он либо следил за мной, либо знал, что сегодня я уеду из дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.